

СО АН: ЛЮДИ И ГОДЫ

Литературная оттепель в Древней Руси

У Елены Константиновны Ромодановской 6 марта — юбилей! Известный учёный в области древнерусской литературы, член-корреспондент РАН, директор Института филологии СО РАН, обладающая энциклопедическими знаниями и прекрасными человеческими качествами, рассказала о своих последних исследованиях нашему корреспонденту Валентине Михайловой.

— Я очень люблю свою работу. Мне повезло в том, что много лет назад я не ошиблась с выбором профессии. И во время учёбы в Ленинградском университете, и в аспирантуре у меня были великолепные учителя, мне всегда было интересно учиться. На древнюю литературу я пошла одна с курса — я была совершенно потрясена, когда услышала лекции по старославянскому языку, по истории языка, хотя многие считали эти дисциплины кошмаром, требующим постоянной зубрёжки. А меня они восхитили: я поняла, что язык развивается по своим чётким, почти математическим законам, это особенно видно, когда занимаешься реставрацией древних языков. Я даже думала этим заняться, но по духу своему я всё-таки литератор. Но когда я выбрала древнюю литературу, моя преподавательница так и сказала — от языка всё равно не уйти.

— Елена Константиновна, вы автор многих книг — «Сибирь и литература. XVII век», «Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX вв.», «Русская литература на пороге Нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода». Значительным этапом в вашей исследовательской деятельности стало академическое издание монографии «Римские Деяния на Руси». Это заметное событие в гуманитарной науке, работа была отмечена Премией имени Д.С.Лихачева. На ваш взгляд, в чем ценность этой книги?

— «Римские Деяния» вышли в 2009 году в московском издательстве «Индрик», которое специализируется на публикации научной литературы по славяноведению. Книга большая — 900 с лишним страниц, очень красивая, тираж 800 экземпляров, она разлетелась моментально. Исконно «Римские Деяния» — это большой латинский сборник, включающий до 160 повестей, который начал формироваться в Западной Европе в XIII веке. В XVI веке примерно 40 текстов было переведено на польский язык, а уже с польского на древнерусский язык.

— Что это за повести — исторические, нравоучительные, авантурные?

— Они самые разные. Большинство написаны в жанре притчи, «приклада» по-польски. Вначале идет сюжетная часть, а потом «выклад» — символическое толкование всему тексту. Некоторые вещи, которые сами по себе ясны, идут без толкования, например, рассказ, известный у нас в другой версии с XII века — об ангеле и отшельнике. Отшельник, усомнившись в правоте Бога, уходит из своей кельи, его догоняет человек (это на самом деле ангел), который совершает странные поступки, которые возмущают отшельника, а тот ему объясняет, что он тем самым предотвратил страшные грехи и спас души людей. Тут все объяснено и никаких толкований не надо.

Есть рассказы буквально на полстранички, а есть очень большие. Туда входит рыцарский роман о том, как два рыцаря во время Крестового похода едут на Святую землю, воюют, и что там с ними происходит. Есть античные мифы с толкованием, например, средневековый пересказ мифа о Тесее и Ариадне. Встречаются анекдоты и тоже с толкованием. Тексты разные по объёму, по жанрам. Неизвестно, кто делал польскую подборку, но отобрано так хорошо, что у нас эти повести почти не переписываются по отдельности, так кодексом и идут. И, может быть,

из-за большого объёма кодекса, множества списков ими практически не занимались. Было только одно издание в 1878 году, причём по очень плохому списку, рукопись была со множеством ошибок. Больше никто из исследователей к нему не обращался.

Я просмотрела все доступные рукописи, получилось 16 вариантов. У меня в книге опубликовано 9 редакций всего кодекса, и несколько отрывков из него — по две-три повести, выписанных отдельно. «Римские Деяния» были переведены где-то в 70-е годы XVII века, очень много списков было сделано в 1680—1690-е годы, свои редакции появляются в первой половине XVIII века, есть один список XIX века.

— Они сильно отличаются друг от друга?

— Каждый переписчик имел право создать свою редакцию. Конечно, кардинально сюжет не менялся, но вносились правки, особенно лингвистические — в ранних текстах было очень много полонизмов, калек с польского, постепенно они выправлялись, и если в первых списках значатся польские термины «приклад», «выклад», то в более поздних вводят русские термины: «приклад сиречь притча», «выклад сиречь толкование». Хотя есть список начала XVIII века, явно вторичный, но владелец или редактор красной коварью выправил всё по раннему списку, так что он как бы двойной — есть собственно список и правка, образующая новый текст.

Ценность этой и подобных книг в том, что ни один литературовед не может работать с древними текстами, пока они не обработаны, не определены редакции и варианты, пока нет академического издания. Я это сделала — это мой вклад в изучение древней русской литературы.

— Скажите, а кто читал эти книги, ведь принято считать, что основная масса населения на Руси в XVII—XIX веках была безграмотной?

— «Римские Деяния» — занимательное чтение, читатели его — низовой круг, и это необычно, потому что переводные книги в то время чаще всего встречались у высокообразованных людей, элиты. Например, «Великое зеркало» — нравоучительный сборник, переведенный в то же время, — был в библиотеке Петра Первого, у разных архиереев, деятелей Печатного двора и т.д. А «Римские Деяния» принадлежали купцам, дворовым, крестьянам... Читали повести активно, это видно и по пометам на полях, различным записям. Но переписывался сборник очень короткий период — меньше 100 лет, до середины XVIII века. Однако он явился толчком для развития новой литературы на Руси.

Некоторые сюжеты оттуда пошли в наши сказки, например, о «благодарных зверях». У нас с XII века был распространён сюжет «о Герасиме и льве» (лев служит вылечившему его человеку), он известен в обработке Н.С.Лескова. А здесь рассказ «Звери в яме» — о дровосеке, который спас из ловушки зверей и человека, который оказался благодарным, а звери, наоборот отблагодарили своего спасителя. И даже змей, считавшийся в Древней Руси символом греха, коварства, хитрости, приносит человеку драгоценный камень, который невозможно продать, он все время возвращается к хозяину. Это единственный сюжет, где змей — положительный герой. В толковании говорится, что змей — это прелат (священник), а камень, который он приносит, олицетворяет Христа, которого нельзя продать ни за какие деньги. Подобного толкования в других древнерусских текстах не встречается, и символ «положительного» змея нигде больше найти не удалось.

В сборнике есть сюжет о столкновении доброй и злой магии. Волхование, любое колдовство, борьба доброй и злой магии на Руси всегда преследовались церковью. А этот сюжет получил ещё и чисто русские обработки, сюжет переделан, но линия столкновения двух магий остаётся.

Эти повести принесли новые сюжеты, новые трактовки, новый взгляд на события, которых не было в беллетристике Древней Руси, и это способствовало обмирщению и обновлению литературы, подготовки её к XVIII веку.

— Но в XVIII веке на первый план выходит высокая поэзия...

— Да, в XVIII веке в литературе господствует высокая литература — драма и поэзия, начиная с Тредиаковского и Ломоносова. Но параллельно появляется огромное количество романов, которые высокие писатели презирают, заявляя, что романы — это

низкая литература, чтиво для дворовых. В XIX веке, начиная с А.С.Пушкина и Н.С.Лескова, эти две линии — высокая и низкая — начинают соединяться. Они явились той основой, на которой вырастает литература нового типа. К ней обращаются, когда роман, развлекательная проза выходит на первый план. Наряду с этим существует и высокая литература, классика, и они взаимодействуют между собой, потому что если гениальный писатель обратится к сюжету из детектива и напишет свое произведение — это будет гениально.

Моя цель — установление каких-то закономерностей в развитии литературы, и эти переводные сборники многое мне открыли, потому что без них просто непонятно, откуда в русской литературе вдруг появляется что-то новое. А тут как раз и просматривается этот механизм.

— Кто-нибудь ещё в вашем секторе занимается древней литературой?

— У нас немного специалистов по древней литературе, и занимаются они другими проблемами. Татьяна Ивановна Ковалёва, моя бывшая аспирантка, завершает диссертацию, посвященную исследованию жанра видений, явлений потусторонних сил в древнерусской литературе. Наш учёный секретарь Любовь Александровна Курышева — занялась рукописным романом XVIII века, к этому пласту ещё никто не решался подступаться. Там масса переводных вещей, и откуда пришли к нам эти переводы, неизвестно. Она засела за языки, чтобы читать европейскую нивозовую литературу, народные книги. Она очень интересно работает, прослеживая, как соединяются западные сюжеты с древнерусскими, известными ещё в XVI—XVII веках, а в XVIII они дают новый расцвет.

Ещё одна моя ученица Светлана Климентьевна Севастьянова, совместитель в нашем институте, живет и работает в г. Рубцовске деканом факультета культурологии. Она занялась творчеством патриарха Никона. Она меня просто поражает: в Рубцовске нет ни больших библиотек, ни архивов, она все отписки проводила в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, работая с документами периода жизни Никона, издала три книги. Одна из них — «Летопись жизни и творчества Никона», жизнь, расписанная по дням. Историки дали совершенно блестящие рецензии на эту работу. Её докторская диссертация посвящена исследованию литературного творчества Никона — его эпистолярного наследия. Проанализировав его послания, письма и т.д., она сделала вывод, что Никон — средний писатель. У него сочинения по большей части компилятивны. Но она через этого слабого в общем-то писателя сумела показать метод работы древнерусских авторов. Оказывается, многие так работали, но анализ такой сделан впервые. Теперь, когда кто-то начинает жаловаться, что нет возможности работать, плохие библиотеки, я вспоминаю Светлану Климентьевну и думаю, что если захочешь, найдешь возможность.

Среди моих непосредственных учеников большинство уже состоявшиеся учёные, некоторые из них работают в секторе академического Н.Н.Покровского, где и я начинала работать. Многие занимаются древнерусской литературой, но и современная литература им не менее интересна. Это помогает им видеть древнерусские традиции в современной литературе. Это очень важно: мой университетский учитель профессор И.П.Ерёмин говорил, что если в литературе что-то появилось, то уже не исчезает, может заглохнуть и потом снова проявится, но никогда не умирает. Мне кажется, что всю литературу держат прежде всего сюжетные связи. Язык, идеология меняются, а сюжетная схема живет много веков.

— Елена Константиновна, а сейчас вы над чем работаете?

— Я работаю над книгой, которую условно назвала «Литература и документ Древней Руси». Я прослеживаю, как структура документа начинает влиять на литературу, новые литературные произведения активно используют схему документа. Например, жития двух известных сибирских святых XVII века — Василия Мангазейского и Семена Верхотурского, а также целый ряд северорусских святых — архангелогородских, новгородских, устюжских — построены по структуре судебного дела. Сначала идет извещение о том, что явился святой или гробница, от которых происходят чудеса, потом начинается следствие — записи расспросных речей и т.д. Там

нет собственно биографии святого, вся структура — это судебное дело. И только из этих расспросов свидетелей, с которыми произошли чудеса, выявляются какие-то сведения о святых.

В древней литературе чрезвычайно распространён вымысел, он проникает даже в летописи, но особенно много его в житиях святых. В середине XVII века жития начинают подвергаться критике, и чтобы доказать их подлинность, при написании использовалась форма судебного дела, чья задача — выявить истину.

Ещё меня очень интересуют пародии, которые во множестве появляются в XVII — начале XVIII века, в основе их также лежит документ — служба церковная как формуляр, челобитная, роспись приданного, опись имущества, судное дело, т.е. ситуации вполне житейские и понятные каждому, даже неграмотному человеку. А чтобы показать, что это вымысел, герои были вымышленные, например, сюжет о том, как судились Лещ с Ершом.

В XVII веке структура документа используется и в других жанрах, создаются абсолютно новые формы в литературе. Я пытаюсь с этим разобраться. Причем встречаются совершенно неожиданные вещи, к примеру, в прихода-расходной книге Троицкого монастыря обнаружилось литературное предисловие, смысл которого сводился к тому, что надо делать вклады именно в этот монастырь, потому что это храм Христа, и жертвовать храму, значит подавать самому Христу. Там шесть пунктов, которые литературно развернуты и обоснованы с примерами из Святого Писания — они не имеют никакого отношения к будущему документу — это опять неожиданное соединение литературы и документа.

Документ начинает вторгаться в литературу, причём это происходит примерно с XVI века. Тогда появляются знаменитые «Письма турецкому султану» (вспомните картину И.Е.Репина). Это, конечно, не письма, они нигде не посылались, это литературный памфлет, а форма — послание. Это западная традиция, у нас было много подобных переводных произведений и в XVIII веке.

— Авторами были люди, которые занимались делопроизводством и имели писательский дар?

— Да. Ведь и пародии на церковную службу писались священниками в первую очередь. Это смеховая культура, игра с текстом, а не издевательство над церковью. В XVII веке священники не видели в этом никакой беды, в XVIII веке, после принятия Духовного регламента и создания Синода при Петре I, когда начали следить за чистотой церкви и службы священников за вольности начинают называть вплоть до лишения сана.

— А почему именно XVII век?

Я ищу какие-то закономерности в развитии литературы: что когда появляется и как взаимодействует. XVII век очень интересен, потому что в нём соединяются традиционные черты и приметы новой литературы. В XVII веке после Смуты появляется, по словам Д.С.Лихачева, авторское начало — когда не только автор осознает себя автором, но читатель начинает осознавать, что это позиция автора. Новая литература делается, когда читатель осознает авторство, вымысел, и тут появляется пародия — для того, чтобы читатель осознал самозначимость формы. Вот три элемента, которые важны в литературе: автор, вымысел как содержание литературы и пародия как осознание формы, когда оказывается, что в старую форму, предположим, челобитную, можно вложить совершенно новое содержание.

Я хочу закончить эту книгу про литературу и документы, в этом году надеюсь её сдать. А дальше — надо завершить работу по исследованию жанра притчи, которым мы занимались всем сектором, у нас был грант РГНФ. Притча — очень модный жанр с 70-х годов прошлого века, этот жанр использовали Г.Газданов, В.Астафьев, В.Распутин, В.Маканин. Мы делаем две части: притча в Древней Руси — моя часть, а вторую часть делают те, кто занимается XX веком.

А ещё я хочу разобраться, как в XVII веке происходило расслоение литературы на высокую и низовую. Теоретически это известно, многие литературоведы писали об этом, но мне хочется сделать это на живом материале. Но всё это — пока только планы.

Фото В.Новикова